

КОСТРОМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

**ИПАТЬЕВСКИЙ
ВЕСТНИК**

научно-богословский журнал

№5 / 2017

Кострома 2017

УДК 281.93
ББК 86.372
И76

ИПАТЬЕВСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-богословский журнал Костромской духовной семинарии

Учредитель

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Костромская духовная семинария Костромской Епархии Русской Православной Церкви»

Главный редактор

Епископ Костромской и Галичский
Ферапонт (Кашин), кандидат богословия

Редакционный совет

Священник Георгий Андрианов, кандидат богословия, ректор КоДС (председатель);

Священник Андрей Андрианов, кандидат богословия, проректор КоДС (зам. главного редактора)

Игумен Петр (Ерышалов), наместник Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, инспектор КоДС (ответственный секретарь)

Виноградов Алексей Владимирович, руководитель научно-исследовательского центра по изучению старообрядчества при КоДС, и.о. проректора по научной работе КоДС (научный редактор)

Священник Николай Попов (дизайнер)

Кашицына Галина Анатольевна (переводчик)

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией. Ссылка на журнал «Ипатьевский вестник» обязательна. Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Адрес редакции:

156000, г.Кострома, ул.Симановского, 26/37

Тел.: (4942) 354051

Факс: (4942) 316473

E-mail: seminaria44@mail.ru

Интернет-страница «Ипатьевского вестника» <http://kods.cerkov.ru/zhurnal-ipatevskij-vestnik/>

Научный журнал, издаваемый Костромской духовной семинарии, публикует материалы и исследования по богословию, церковной истории и связанным дисциплинам, обзоры и библиографические заметки на новые работы в области богословских исследований. Журнал адресован преподавателям и студентам духовных школ, историкам, теологам, философам и всем, кто заинтересован в вышеупомянутых вопросах.

ISSN 2309-5164

© Костромская духовная семинария, 2017

КОСТРОМСКАЯ СЕМИНАРИЯ: ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

Митрополит Александр (Могилев)

«КОСТРОМСКОГО КРАЯ УКРАШЕНИЕ». ПАМЯТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА НИКОДИМА (КРОТКОВА), АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО

Священномученик Никодим, причисленный к лику святых в 1995 году, занимает особое место не только в истории Костромского края, но и в исторических судьбах всей Русской Православной Церкви. В этапах его биографии отражаются такие значимые и эпохальные события, как революция 1905 года, убийство П.А. Столыпина, Первая мировая война, революция 1917 года, церковный раскол на Украине, гражданская война, начало русской эмиграции, обновленческий раскол 20-х годов. Его священническое, а затем и архипастырское служение проходило на Костромской земле, на Кавказе, в Пскове, в Молдавии, на Украине, в Крыму и в Средней Азии, и увенчалось мученическим подвигом. Разделивший судьбу Церкви и народа Божия в XX столетии, возглавивший Костромскую епархию в самые трагические годы ее бытия, он остался в народной памяти как мученик, истинный исповедник веры Христовой, до конца сохранивший верность долгу архипастырского служения.

Святитель Никодим (в миру – Николай Васильевич Кротков) родился 29 ноября 1868 года в селе Погрешино Костромской губернии (сегодня - это село Погост, Фурмановского района, Ивановской области). Все его предки, известные нам, были сельскими священниками и служили в Нерехтском уезде Костромской губернии.

С августа 1878 года жизнь Николая Кроткова проходила в Костроме. Здесь будущий священномученик прожил в общей сложности одиннадцать лет, обучаясь в начале в епархиальном духовном училище, а затем в

Митрополит Казахстанский и Астанайский Александр (Могилев), глава Митрополичьего Округа в Республике Казахстан, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви, доктор богословия.

Костромской Духовной семинарии, где ранее получили образование его дед, отец и дяди. Как и сам Николай, почти все его одноклассники происходили из семей сельского духовенства, и большинству из них, священно- и церковнослужителям, пришлось пережить грядущие гонения на Церковь Христову. В 1889 году Николай Кротков окончил духовную школу в числе лучших, по первому разряду.

Несмотря на трудности студенческой жизни, связанные с непростым материальным положением, годы, проведенные в училище и семинарии, владыка всегда будет вспоминать с большим теплом. *«Я всегда благодарен воспитавшей меня духовной школе, за одно то, что она дала мне возможность и весьма многим другим беднякам при минимальных средствах учиться... С любовью вспоминаю семинарскую жизнь. Трудное было время, но и счастливое, 25 лет последующей жизни не изгладили из памяти добрых воспоминаний о ней»*, – рассказывал в последствии архипастырь.

В стенах духовной школы Николай впервые столкнулся с приверженцами революционной идеологии. С 60-х годов XIX века в Костромской семинарии среди учащихся-старшеклассников тайно существовали революционные кружки, но общение с революционно или анархистски настроенной молодежью не повлияло на высокий религиозный дух будущего иерарха.

По окончании семинарии Николай Васильевич становится учителем церковно-приходской школы в селе Троица-Олешь Галичского уезда. Вскоре состоялось его венчание с Аполлиinarieй Андреевной Успенской – дочерью священника, а затем и диаконская хиротония.

25 февраля 1890 года епископ Костромской и Галичский Августин (Гуляницкий) рукоположил диакона Николая во иереи и определил его настоятелем Петропавловского храма села Тезино Кинешемского уезда (сегодня – это город Вичуга Ивановской области). В одном из документов, описывающем пастырское служение отца Николая Кроткова, говорится: «Приход его составляли рабочие трех больших фабрик, около 10 тысяч человек. Богослужение в храме совершалось ежедневно, а многочисленные требы по домам занимали большую часть дня. В видах большего религиозно-нравственного воздействия на рабочих, им были заведены в церкви духовные чтения и поучения, которым обыкновенно предшествовало, особенно в посты Филиппов и Великий, служение акафиста». Будучи музыкально одаренным человеком и понимая силу воздействия духовной музыки на человека, отец Николай старался развивать приходской хор и вводил традиции народного пения за богослужениями.

Через месяц после прибытия в Тезино отец Николай становится преподавателем Закона Божия в народном училище. Именно здесь во всей полноте раскрываются его педагогические таланты. Безотказность, доброта, общительность и неутомимая просветительская деятельность снижали молодому священнику всеобщую любовь прихожан и обратили на себя внимание епархиальной власти.

В разгар пастырских трудов и забот отец Николай «встретил тесноту и скорбь» (Пс.114, 3). Фактически в одночасье он лишается семьи – в

1892 году умирает новорожденная дочь, а через некоторое время, так и не оправившись от тяжелых родов и потери ребенка, скончалась его молодая матушка. Будущий архипастырь с христианским смирением принял постигшие его испытания, сам отпел и похоронил своих родных на тезинском сельском кладбище и обрел утешение в молитве и еще более усердных пастырских трудах.

После кончины супруги отцу Николаю следовало определить свою будущую судьбу. По традиции, овдовевший священник обычно принимал монашество, но решиться на такой ответственный шаг отцу Николаю было непросто. По совету своего духовного наставника – архимандрита Сергия (Ланина), бывшего ректора Костромской Духовной семинарии, а с 1893 года – наместника Киево-Печерской лавры, он решает продолжить духовное образование и поступить в Киевскую Духовную Академию. Так в жизнь будущего исповедника веры на долгие годы вошла Украина.

В 1896 году священник Николай Кротков стал студентом Киевской Духовной Академии. На рубеже XIX–XX веков эта духовная школа переживала период своего расцвета; в это время здесь трудились богословы, патрологи, литургисты и библеисты, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю отечественной и мировой науки.

13 августа 1899 года в колыбели русского монашества – Киево-Печерской Лавре – совершилось пострижение будущего святителя в монашество. Посвящение в «ангельский образ» отец Николай принял от рук своего давнего наставника – Преосвященного Сергия (Ланина), к тому времени уже ставшего викарием Киевской епархии, епископом Уманским. При пострижении пастырь был назван в честь праведного Никодима – евангельского тайного ученика Господа Иисуса Христа.

На IV курсе иеромонах Никодим начал писать диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия по теме «Пресвитера Иерусалимского Исихия аскетика и ее характер». Как отмечал позднее один из рецензентов, эта работа была посвящена исследованию «самой интересной и важной части древней аскетики, - учения о так называемом сокровенном, духовном или умном делании». 7 июня 1900 года Совет академии присвоил студенту IV курса иеромонаху Никодиму (Кроткову) ученую степень кандидата богословия.

По завершении обучения в Киевской Духовной Академии начинается особое время в жизни отца Никодима, связанное с несением различных послушаний в области духовного образования и с постоянными путешествиями и переездами. В августе 1900 года он получил из Святейшего Синода назначение на должность смотрителя духовного училища во Владикавказе.

Владикавказской епархией управлял епископ Владикавказский и Моздокский Владимир (Сеньковский) – миссионер, просветитель и духовный писатель. Иеромонах Никодим стал верным помощником владыки в деле развития духовного образования на Северном Кавказе. Одним из первых его дел на новом месте стало создание училищного храма во имя равноапостольных Кирилла и Мефодия. Последующие два года, проведенные

во Владикавказе, будущий священномученик показал себя рачительным и мудрым хозяином, хорошим педагогом, пользовавшимся самой искренней любовью своих учеников и уважением преподавательской корпорации.

В мае 1902 года определением Святейшего Синода иеромонах Никодим был удостоен сана игумена, а 5 сентября этого же года назначен исполняющим обязанности инспектора Кутаисской духовной семинарии. С глубоким сожалением отпускали отца Никодима его ученики и сослуживцы. Местное грузинское население, особенно расположенное к отцу Никодиму, выражало радость от того, что этот любвеобильный и доброжелательный пастырь будет трудиться на поприще духовного просвещения в пределах Грузии.

Пребывание будущего святителя в Кутаиси было недолгим, и уже 8 января 1903 года игумен Никодим назначался ректором духовной школы в осетинском городе Ардон – Александровской миссионерской семинарии. В середине января в Сионском кафедральном соборе города Тифлиса (современный Тбилиси) экзарх Грузии архиепископ Кахетинский и Карталинский Алексей (Опоцкий) возвел игумена Никодима в сан архимандрита, после чего началась его ректорская деятельность. К обязанностям руководителя миссионерской семинарии позже прибавились послушания благочинного монастырей Владикавказской епархии и председателя Ардонского отделения епархиального училищного совета.

За два года ректорства архимандрит Никодим построил новое здание, благоустроил общежитие и домашнюю церковь. Средства на все строительство, ремонт и реконструкцию помещений он изыскивал самостоятельно. Его труды на Кавказе были отмечены государственной наградой – орденом святой Анны 2-ой степени.

С южных рубежей Российской Империи архимандрит Никодим указом Святейшего Синода от 26 января 1905 года переводится в северные края страны – Псковскую епархию, куда назначается в должности ректора духовной семинарии. И вновь, как и в Ардоне круг его обязанностей значительно расширяется: он возглавляет епархиальный училищный совет, включавший в себя начальствующих всех учебных заведений, и участвует в различных мероприятиях епархиальной жизни.

По воспоминаниям современников время ректорства отца Никодима выпало на самый тяжелый период в истории семинарии, когда государственные потрясения не обошли стороной духовную школу и многие из учащихся поддержали революционные выступления. Ситуацию осложнял раскол среди преподавателей, которые подчас забывали о своих служебных обязанностях и увлекались политической агитацией. В первые полтора года пребывания в Пскове ближайшим помощником архимандрита Никодима являлся инспектор семинарии иеромонах Алексей (Симанский) – будущий Патриарх Московский и всея Руси.

Из документальных свидетельств того времени известно, что ректор и инспектор Псковской семинарии *«проявили исключительный такт и дипломатичность – им удалось сохранить в семинарии порядок и обеспечить учебный процесс. Но все же семинария была дважды закрываема: в*

октябре 1905 года и в мае 1906 года, когда семинаристы поголовно бойкотировали занятия. Однако, несмотря на это, архимандрит Никодим не принимал широких репрессий». При обратном приеме в семинарию отчисленных за участие в беспорядках студентов он проявлял большую тактичность, учитывая, что многие из студентов стали жертвой злонамеренной агитации.

Для улучшения учебного и воспитательного процесса архимандрит Никодим организовал из учеников старших классов кружок «народных проповедников» и ходил с ними накануне воскресных дней в «Дом Трудолюбия», где совершал богослужение для его обездоленных насельников, а очередной член кружка произносил проповедь или поучение. «Батюшку-ректора» хорошо знали и любили не столько представители высших слоев местного общества, сколько простой народ, а семинаристы прозвали его «симпатичная личность». В частной жизни будущий святитель довольствовался самой простой обстановкой; в личных отношениях отличался искренностью, прямоотой и доступностью. Талант администратора, личные достоинства его были отмечены церковным священноначалием, и архимандрит Никодим был определен для архиерейской хиротонии. Прощаясь со своими воспитанниками, он говорил: *«Прощание имеет глубокий смысл. Представьте себе: отец семейства отправляется в дальний путь. Могут с ним приключиться разные беды и несчастья, даже и сама смерть. И вот он прощается со своими домочадцами, просит их забыть все обиды и неприятности»*.

2 ноября 1907 года отец Никодим покинул Псков, а 11 ноября в Кишиневе в кафедральном соборе города состоялась его хиротония в епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии. Епископом Кишиневским и Хотинским с 1904 года являлся столь памятный отцу Никодиму по годам, проведенным на Кавказе, Преосвященный Владимир (Сеньковский).

По совершении хиротонии епископ Владимир вручил новопоставленному епископу Никодиму архиерейский жезл с пророческими словами: *«В настоящее неспокойное время – время шатания и колебания в мысли и в жизни, отрицания всего, что выше вещественной потребности, – епископское служение можно назвать по справедливости подвигом мученическим. Настоящая современность с каким-то особенным усердием готова вести – и ведет – епископа на Голгофу, чтобы распять там и сделать его мишенью для всяческих злословий, укоров, издевательств... Но да не смущается, при крепкой вере в Бога, сердце твое, возлюбленный о Христе брат... Паси жезлом сим словесное стадо Христово, помня глагол Господень: Пастырь добрый душу свою полагает за овцы (Ин. 10, 11)»*.

Вскоре новорукоположенному епископу Никодиму пришлось во всей полноте возложить на себя бремя церковного правления: в мае 1908 года указом Святейшего Синода епископу Кишиневскому и Хотинскому Владимиру был предоставлен четырехмесячный отпуск для лечения за границей, а временно управляющим епархией назначался викарный епископ Никодим.

Социально-политическая обстановка в Бессарабии была сложной, активно действовало революционное подполье и прорумынски настроенные националисты. Владыка Никодим находился в оппозиции к различным политическим и националистическим течениям, имевшим своей целью отторжение Бессарабии от России, был непримирим к автокефальным тенденциям, находившим к тому времени достаточное количество сторонников, поддерживаемых румынскими спецслужбами. Много лет спустя владыка вспоминал: «Как я, православный архиерей, могу пойти на компромисс со своею совестью и делать то, что не совпадает с церковным интересом?» В качестве одной из действенных мер по укреплению позиций Русского Православия среди бессарабского населения, и особенно среди образованной его части, владыка организовывает на регулярной основе проведение публичных духовных бесед или чтений, посвященных вопросам богословия, истории и культуры. Будучи одаренным дипломатическим талантом и имея за плечами немалый опыт работы с представителями разных национальностей епископ Никодим своей деятельностью вносил в жизнь края умиротворение и стабильность. Его частые поездки по епархии, простота, приветливость и доступность делали его авторитетным духовным лидером. Он возглавил епархиальное историко-археологическое общество и стал инициатором комплексной работы по изучению истории епархии со времени присоединения Бессарабии к России.

Служение святителя Никодима в Бессарабии завершилось в 1911 году. Определением Святейшего Синода от 16 ноября 1911 года он был назначен епископом Чигиринским, вторым викарием Киевской епархии – помощником митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому).

На место своего нового служения в Киев епископ Чигиринский Никодим прибыл 12 декабря 1911 года. По своей сути его новое церковное послушание приравнивалось к положению правящего архиерея. Митрополит Киевский и Галицкий, постоянный член Святейшего Синода, большую часть года находился в Санкт-Петербурге, участвуя в зимней и летней синодальных сессиях, а в его отсутствие весь объем трудов по управлению огромной Киевской епархией ложился на плечи второго викария.

Особое значение Святитель придавал антисектантской деятельности и просветительской работе среди сельского населения. 24 января 1912 года на съезде благочинных, созванном митрополитом Киевским и Галицким Флавианом в связи с увеличившейся активностью сектантов, владыка Никодим как опытный миссионер был избран председателем. В Петропавловской церкви мужского духовного училища и в Вознесенской церкви Байкового кладбища он устроил регулярные миссионерские вечера, на которых сам говорил проповеди или делал доклады.

В конце 1913 года архипастырь осуществил социально значимый проект – реорганизовал православное Владимирское братство, направив его деятельность прежде всего на «воспитание народа в национальном духе» и «содействие улучшению хозяйственной и экономической жизни». Нашлось место и музыкальному таланту владыки. Он взял на себя руко-

водство работой курсов псаломщиков и регентов при Михайловском Златоверхом монастыре.

С началом I Мировой войны епископ Никодим выступил инициатором помощи материально необеспеченным семьям фронтовиков, для чего на базе Владимирского братства он учредил особый благотворительный комитет. Члены братства под председательством владыки занимались созданием приютов для беженцев, помощью раненым и изданием патриотических листков для армии. Архипастырь посещал прифронтовые госпитали и лазареты где встречался с ранеными, молился с ними и поддерживал их своими беседами, привозил подарки; он утешал родственников погибших воинов и вдохновлял своими проповедями отправлявшихся на войну ратников.

4 ноября 1915 года в Киеве скончался митрополит Флавиан, и святитель Никодим стал временно управляющим Киевской епархией – до того, как Высочайшим указом от 24 ноября 1915 года митрополитом Киевским и Галицким был назначен митрополит Петроградский и Ладужский Владимир. Перевод из Петрограда во многом предрешил судьбу святителя Владимира – всего через два года он первым из митрополитов Русской Православной Церкви примет в Киеве мученическую кончину от рук богоборцев.

Ситуация в стране быстро ухудшалась, несмотря на военные успехи 1916 года и нормализацию снабжения армии. Епископ Никодим с тревогой наблюдал, как падает авторитет монархии и усиливается антиправительственная пропаганда. Он осознавал, что предотвратить грядущую общегосударственную катастрофу могут лишь бескомпромиссные действия власти. После долгих раздумий святитель решился на один из наиболее значимых поступков в своей жизни: в декабре 1916 года он направил на имя царя Николая II записку, в которой предлагал ряд мер для спасения страны от надвигающейся революции. Святителю удалось передать записку председателю Государственного Совета И.Г. Щегловитову, который и представил ее государю. Записка адресовалась императору от имени «православно-русских кругов города Киева и Киевской губернии». Документальные свидетельства говорят о положительной реакции императора Николая II на бумагу, подготовленную святителем. Определенные, хотя и незначительные по своей сути шаги в предложенном направлении предприняло и правительство; однако в основном программа действий, изложенная в записке, так и не была реализована. Сам факт появления записки святителя Никодима наглядно показывает нам, что даже на пороге революционных событий в России имелись люди, трезво оценивавшие ситуацию и видевшие не только грозящие государству опасности, но и способы их преодоления.

В конце февраля 1917 года страшная опасность, наступление которой со скорбью предвидел святитель Никодим, стала реальностью – Империя пала, и Россия вступила на путь, ведущий к пропасти безверия и беззакония. Киев, как и всю страну, охватило революционное безумие. В обстановке безвластия и начинающегося гражданского противостояния по ини-

циативе епископа Никодима духовенство Киевской епархии обратилось к народу с особым воззванием: *«Не возбуждайте никаких распрей, чтобы не навлечь на нашу страну гнева Божьего. Не губите междоусобиями великого Отечества нашего, но сообща трудитесь для спасения его от врагов наших»*.

Беды и несчастья, принесенные февральской революцией 1917 года, для Русской Православной Церкви на Украине усугубились началом раскольнической деятельности так называемого «Исполнительного комитета духовенства и мирян», одним из лидеров которого являлся протоиерей Василий Липковский – будущий «митрополит» самопровозглашенной «Украинской автокефальной церкви». Будучи человеком сильной воли и верным каноническому строю Православия архипастырем, святитель Никодим решительно противостоял лукаво навязываемой его пастве идее раскола Церкви по национальному признаку. Члены «Исполнительного комитета» решили удалить несогласного с их позицией Чигиринского святителя из Киева, и с этой целью отправили в Святейший Синод ходатайство о смещении епископа Никодима с должности vikария, как убежденного «реакционера» и «черносотенца». 18 мая 1917 года Святейший Синод по предложению обер-прокурора В.Н. Львова своим определением перевел епископа Никодима из Киева на место vikария Саратовской епархии. Планам раскольников не суждено было сбыться. *«Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!»* (Ис. 8, 10), – обращается слово Божие к противникам истины. Вскоре по настоянию православной общественности Киевской епархии владыку возвращают на кафедру епископа Чигиринского, vikария Киевской епархии.

К моменту прибытия святителя Никодима в Киев политическая ситуация на Украине существенно изменилась. Весной 1917 года украинскими партиями в Киеве был создан представительский орган – Центральная Рада Украинской Народной Республики. Провозглашение Радой государственной автономии вдохновило на новые действия сторонников церковной автокефалии. Епископ Никодим, понимая, что для противостояния раскольническим тенденциям нужны специальные организационные формы, весь сентябрь посвятил созданию нового церковного общества – «Союза пастырей города Киева». К концу октября 1917 года в «Союз пастырей» входило около 80 священников – большинство киевского духовенства. В последовавших затем событиях «Союз», возглавляемый святителем Никодимом, сыграл исключительно важную роль. Летом 1917 года делегация от Киевской епархии во главе с митрополитом Владимиром уехала в Москву для участия в Поместном Соборе Русской Православной Церкви, и по уже установившейся практике временное исполнение обязанностей правящего архиерея возлагалось на епископа Никодима.

После октябрьской революции 1917 года Центральная Рада в Киеве приняла свой третий Универсал, провозгласивший создание в составе Российской республики Украинской народной республики. Активизировались и сторонники церковной автокефалии на Украине. В середине

ноября в Киеве был создан организационный комитет по созыву Всеукраинского Церковного Собора во главе с проживавшим на покое в Киево-Печерской Лавре бывшим архиепископом Владимирским и Шуйским Алексием (Дородницыным). Новая организация действовала в духе времени, «по-революционному»: 23 ноября 1917 года на своем заседании оргкомитет, переименованный во Временную Всеукраинскую Православную Церковную Раду, провозгласил себя «Временным правительством для всей Украинской Православной Церкви». Сторонники сохранения единой Церкви, возглавляемые святителем Никодимом, активно противодействовали действиям автокефалистов. В двадцатых числах ноября святитель Никодим, осознавая остроту создавшегося положения, отправился к митрополиту Владимиру в Москву. Он доложил о церковной ситуации в Киеве епископату и членам Поместного Собора от украинских епархий. Через несколько дней вместе с митрополитом Владимиром епископ Никодим вернулся из Москвы в Киев – важно было успеть перехватить инициативу по проведению собора из рук автокефалистов и направить его работу в каноническое русло. Осенью 1917 года в Киеве начало действовать Предсоборное присутствие, на котором обсуждались вопросы подготовки к Украинскому Собору. К началу его работы в «Мать городов русских» прибыла делегация от Святейшего Патриарха Тихона во главе с митрополитом Платоном (Рождественским) «для устроения местной церковной жизни». Противостояние антиканоническим деяниям группировки, возглавляемой архиепископом Алексием (Дородницыным), осуществлялось силами «Союза пастырей города Киева», созданного владыкой Никодимом. Эта организация благодаря авторитету архипастыря возрастала, приобретая новых сторонников.

С 8 по 19 января 1918 года под председательством митрополита Киевского и Галицкого Владимира по благословению Патриарха Тихона состоялась первая сессия Всеукраинского Собора, вторая была намечена на май 1918 года. Как и при проведении Поместного Собора в Москве, работа Киевского Собора совпала с резким обострением политической борьбы. Поэтому Собор в Киеве принять сколько-нибудь значимых решений не успел. 26 января в Киев вступили красные войска под командованием бывшего полковника царской армии левого эсера М.А. Муравьева. Большинство населения, измученное разгулом «самостийников», поначалу встретило приход большевиков с радостью, однако уже первые сутки большевистской власти в городе были омрачены страшным преступлением – убийством митрополита Киевского и Галицкого Владимира. Мученическая смерть кроткого и смиренного иерарха стала для безбожников пробным камнем в череде опережающих друг друга по жестокости и цинизму злодеяний.

После трагической кончины Киевского святителя епископ Никодим вновь фактически возглавил Киевскую епархию. Организовав похороны священномученика Владимира, он совершил поездку в Москву, к Патриарху Тихону с докладом о положении дел в епархии, обстоятельствах трагической гибели Киевского митрополита и раскольнической деятельности

Церковной Рады. В ходе встречи архипастырь обратил внимание Перво- святителя на необходимость скорейшего избрания нового Киевского митрополита.

В 1918 году у сторонников самочинной автокефалии появился еще один шанс захватить власть в свои руки и провозгласить «незалежну церкву», при поддержке правительства гетмана Скоропадского, пришедшего на смену Центральной Раде Украинской Народной Республики. Для епископа Никодима начался новый, еще более сложный этап борьбы за сохранение церковного единства на Украине.

Националистически настроенные круги духовенства и члены правительства требовали от епископа Никодима, чтобы выборы Киевского митрополита непременно были отложены до собора, на котором они надеялись провести свою кандидатуру. Несмотря на давление со стороны Совета Министров и угрозы принятия полицейских мер, владыка оставался непреклонен, и в результате состоявшихся выборов митрополитом Киевским и Галицким стал митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий). Через несколько недель в Киев пришли документы за подписью Патриарха с подтверждением законности выборов и сообщением Высшего Церковного Совета о невозможности их отмены. Во всей этой истории епископ Никодим являлся связующим звеном между Святейшим Патриархом Тихоном и сторонниками церковного единства на Украине. Именно он ограждал ход церковных выборов от вмешательства правительства гетмана Скоропадского.

22 июля 1918 года Украинский собор принял проект Положения о высшем управлении Православной Церкви на Украине «на началах автономии... в канонической связи с Патриархом Всероссийским». Для утверждения Положения митрополит Антоний в начале сентября направил святителя Никодима в Москву, где еще продолжал свою работу Поместный Собор Православной Российской Церкви. 13 сентября владыка Никодим выступил на Соборе, призвав его участников утвердить принятое в Киеве Положение.

Вскоре в жизни епископа Никодима прямым образом исполнились пророческие слова Спасителя: *«Возложат на вас руки и будут знать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое»* (Лк. 21, 12). По окончании I Мировой войны и поражения в ней Германии, власть гетмана Скоропадского на Украине закончилась и в Киев вошли войска «Директории Украинской Народной Республики», возглавляемые «головным атаманом» Симоном Петлюрой. Первое, что сделали петлюровские отряды, – публично расстреляли более ста офицеров старой русской армии. По воспоминаниям современников *«единственное административное мероприятие, которое Директория успела не только декларировать, но и осуществить, было снятие всех имевшихся в городе русских вывесок и замена их украинскими. Русский язык не допускался даже наряду с украинским»*. Новая власть поспешила изолировать от общества сторонников единства с Патриаршей Церковью, обладающих авторитетом среди православных верующих. Епископ Никодим был аресто-

ван вместе с архиепископом Евлогием (Георгиевским) и митрополитом Антонием (Храповицким). Никакие ходатайства со стороны украинского духовенства об освобождении ни в чем неповинных узников не смогли изменить решения Петлюры, и иерархи остались под арестом. *«Петлюра настаивал на одном – чтобы мы для Украины больше не существовали, и заявил, что наше заточение отмене не подлежит»*, – вспоминал впоследствии архиепископ Евлогий. Местом их первой ссылки стал униатский Базилианский монастырь в городе Бучач в Галиции (современная Тернопольская область).

Пребывание арестованных в униатской обители продолжалась недолго. Захватившие город Бучач польские войска в праздник Пресвятой Троицы арестовали русских архипастырей, и они из одного плена попали в другой. Вскоре узники оказались во Львове; здесь их разместили в резиденции главы униатской церкви Украины митрополита Андрея (Шептицкого). Митрополит, сам несколько лет пробывший в русском плену, радушно принял невольных гостей, предоставив каждому из них по комнате в своем доме. Благодаря митрополиту Андрею пленникам удалось сообщить о своей судьбе за пределы Польши. Связавшись при помощи униатского архиерея с французским военным представителем во Львове, русские иерархи послали письмо на имя премьер-министра Франции Жоржа Клемансо, в котором просили помочь им обрести свободу. Вскоре, в мае 1919 года, узников перевели из Львова в Краков, где местом их заточения стал католический монастырь монахов-молчальников. В начале августа 1919 года в монастырь неожиданно приехал краковский воевода. Проследовав к митрополиту Антонию, он назвал все произошедшее «печальным недоразумением» и объявил святителей свободными. Надо полагать, что письмо, посланное из Львова на имя Клемансо, возымело свое действие, и правительство Франции потребовало от Польши освободить пленных. Через несколько дней митрополит Антоний, архиепископ Евлогий, епископ Никодим с краковского вокзала в отдельном вагоне выехали в сторону румынской границы. Проезжая через Румынию, они посетили в Черновцах председателя Румынской Православной Церкви Патриарха Владимира (Репту), а дальше путь бывших узников в Россию пролегал через Константинополь.

После Успения 1919 года, пробыв в плену 9 месяцев, владыки прибыли в Новороссийск, где их встречали с восторгом. Митрополит Антоний и епископ Никодим переехали в Ростов – административный центр Донского края, где в то время находилось Высшее Церковное Управление, ведавшее церковными делами на территории, находившейся под белогвардейским контролем. Затем архипастыри выехали в Киев, занятый войсками генерала А.И. Деникина. Владыка Никодим сразу же принялся за приведение в надлежащий порядок епархиальных дел. Владыка отправил к Патриарху Тихону подробный отчет о положении церковных дел в Польше и Украине. До июня 1920 года епископ Никодим оставался в Киеве, и киевская паства отвечала владыке любовью и признанием. Впоследствии на допросах такая решимость к самопожертвованию вызовет подозрение и

будет истолкована следователем как сотрудничество с деникинской разведкой. Свою позицию во время гражданской войны он обозначил так: *«Я стоял за единую неделимую Церковь и Родину, невзирая на то, какая в ней будет власть»*. Эти слова владыка будет повторять на последних допросах в ярославской тюрьме.

Выполняя благословение Патриарха, с риском для жизни епископ Никодим пересекает линию фронта и приезжает в Симферополь. Спустя много лет и этот подвиг послушания станет на предсмертных допросах обвинением в шпионаже в пользу Деникина, а благословение Предстоятеля Церкви – отягчающим обстоятельством.

В ноябре 1920 года армия барона П.Н. Врангеля под давлением большевиков стала покидать Крым, а с нею – все желающие. На суда этой русской эскадры были погружены войска, семьи офицеров, гражданское население. Общее количество добровольных изгнанников составило около 150 тысяч человек. Но и на этот раз архиепископ Никодим предпочел не оставлять страждущее Отечество и свою паству.

В сентябре 1921 года архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе) ушел на покой, назначив перед этим, еще в июле, временно управляющим епархией святителя Никодима. Управляющим Таврической епархией с одновременным возведением в сан архиепископа святитель Никодим стал по указу Патриарха Тихона от 23 августа 1921 года. Приняв дела епархии, архиепископ Никодим с присущей ему энергией погрузился в церковную жизнь.

23 февраля 1922 года ВЦИК принял печально известный Декрет об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. Официальным поводом для этого стал страшный голод в Среднем и Нижнем Поволжье после засухи 1921 года. Своей целью большевики ставили не столько изъятие ценностей само по себе, сколько уничтожение лучших представителей Церкви. В секретном письме к членам Политбюро в марте 1922 года В. Ленин писал: *«Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь громадное большинство крестьянской массы будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь значительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету»*. В письме давалось конкретное указание, как действовать: *«Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»*.

В начале марта 1922 года изъятие ценностей началось и в Крыму. Это сопровождалось неизбежными волнениями: на колокольнях ударяли в набат, собиравшиеся около своих храмов православные, в основном женщины, горячо протестовали против конфискации церковного достояния. Крымское духовенство по благословению архиепископа Никодима саботировало директиву местных органов власти и как могло затягивало процесс изъятия ценностей, порой просто не пуская чиновников в храмы под самыми разными предлогами, например, «отсутствия настоятеля», «поиска ключей» или «исчезновения описи имущества». В ответ на требования со стороны большевиков владыка в таких случаях отвечал: *«Со своей же стороны ничего не могу сделать, да и не имею на то никаких данных, какими мог бы руководствоваться в этих противоречивых обстоятельствах»*. Владыка своевременно позаботился о том, чтобы при изъятии каких-либо бумаг из канцелярии епархиального управления сотрудники НКВД не смогли по ним разобраться в финансовом и имущественном положении церковно-приходской жизни в Крыму, для чего учредил фиктивную «канцелярию Таврического епископа», которую затем переименовал в «канцелярию Правления союза приходских церквей города Симферополя», а всю документацию с фактическими цифрами и отчетами надежно спрятал. Такой поступок Таврическому архиепископу инкриминируют как «пассивное сопротивление Советской власти».

Боясь народного гнева власти некоторое время не прибегали к крайним мерам. Но в конечном итоге вне зависимости от того, кто и насколько подчинился изъятию, все участники этих трагических событий – священнослужители и активные миряне во главе с архиепископом Никодимом были обвинены в сопротивлении властям, в расхищении, в небрежном хранении имущества и в симуляции хищений.

Одно из первых обвинений, предъявленных архиепископу Никодиму и крымскому духовенству было организация и участие в «нелегальном собрании», проведенном 31 мая 1922 года, которое по сути являлось вполне обычным, рядовым епархиальным собранием. Это было только началом большого уголовного процесса и частью масштабной работы по дискредитации архиепископа Никодима и уничтожения епархии.

В такой обстановке, при нарастании активности деятелей обновленческой «Живой Церкви», стало очевидно, что архиепископу Никодиму грозит скорый арест. Необходимо было определить, кто в таком случае сможет заменить его на Таврической кафедре. Святитель Никодим, обсудив вопрос с проживавшим на покое в Топловском монастыре архиепископом Димитрием (Абашидзе), решил рукоположить викария, епископа Мелитопольского. Им стал вдовый протоиерей Александр Зверев, настоятель Петропавловского собора Симферополя. Местом хиротонии архипастыри избрали храм на подворье Косью-Дамиановского женского монастыря. Органы ОГПУ сочли происходившее на подворье «нелегальным собранием», обвинив в этом архиепископа Никодима. Вскоре святителя арестовали и поместили под домашний арест в Инкерманском монастыре священномученика Климента, а по прошествии нескольких месяцев перевезли в

симферопольскую тюрьму. В ходе следствия святителю предъявили следующие обвинения: во-первых, «неприятие мер к проведению в жизнь декретов, циркуляров и постановлений об изъятии ценностей с целью срыва изъятия», во-вторых, «соучастие с подведомственным духовенством в противодействии изъятию церценностей», и, в-третьих - организация двух «нелегальных собраний». Большевики не могли и не хотели забыть о деятельности владыки Никодима и других иерархов и священников во Временном Высшем Церковном Управлении на юго-востоке России и всего, что с ним было связано, например, молитвы за генерала Врангеля, указ «О необходимости пробуждения русского юношества и привлечения его к самовоспитанию и самодеятельности в духе религиозно-нравственного мировоззрения», обращение за материальной помощью для голодающих крымчан к Колчаку и Деникину. Все раздражение против эмигрировавшей Белой армии и духовенства обрушивалось теперь «пролетарской справедливостью» на тех, кто остался. Контрреволюционные воззвания и антисоветские провокации находили в самых простых проповедях архиепископа Никодима. Оказывается, на каждой его службе присутствовали специально направленные властью «свидетели», тщательно записывавшие каждое его слово. Добровольцами в этом деле охотно становились последователи «Живой Церкви».

Симферопольский процесс, начавшийся 5 ноября 1922 года накануне пятой годовщины революции, отличался особым размахом. В открытом судебном заседании перед Верховным революционным трибуналом при КрымЦИКе предстали 73 человека, относившиеся почти ко всем крымским религиозным конфессиям. Большую часть обвиняемых составляли служители Русской Православной Церкви: архиепископы Никодим (Кротков) и Димитрий (Абашидзе), епископ Сергей (Зверев), настоятель Инкерманского монастыря архимандрит Венедикт (Чеботарев) и настоятель Георгиевского монастыря архимандрит Дамаскин (Цедрик), игуменнии Ксения (Романовская) и Варсонофия (Акулова), священники практически всех симферопольских храмов и даже уборщица кафедрального собора М. Чупринина.

Процесс продолжался четыре недели и завершился 1 декабря 1922 года оглашением приговора по делу «крымских церковников». Самый большой срок из всех 73 обвиняемых получил «гражданин Николай Васильевич Кротков (архиепископ Никодим)», приговоренный по трем статьям Уголовного кодекса (66, 119 и 219) в общей сложности к 8 годам лишения свободы «со строгой изоляцией».

В декабре 1922 года святитель Никодим оказался в тюрьме Нижнего Новгорода. В марте 1923 года архипастырь заболел тифом; болезнь святитель перенес очень тяжело. Однако, по слову Апостола, судьбы Божии «непостижимы... и неисследимы пути Его» (Рим. 11:33) – освобождение владыки совершилось значительно ранее ожидаемого. В начале сентября 1923 года владыка и священники были отпущены по амнистии. Выйдя из заключения, недавние узники направились в Москву – для того, чтобы вернуться в Крым. Первоначально архипастырь не предполагал долго за-

держиваться в столице, однако, узнав, что в Таврической епархии продолжают аресты священнослужителей, он решил некоторое время переждать. О своей жизни в Москве владыка напишет в Крым своей духовной дочери следующее: *«Здесь собралось до 50 епископов, высланных с мест, вышедших из тюрем, вновь поставленных и опасаящихся выезжать из-за репрессий. Высылки все не прекращаются. Такая обстановка побуждает и меня выжидать. Тяжело это, но делать нечего. Подвергать себя новым репрессиям не хотелось бы, и пользы от этого никакой нет»*.

Владыка вел активную переписку со своей крымской паствой. Его письма раскрывают перед нами образ святителя не только как несгибаемого борца за веру и каноническую чистоту Православия, но и как любящего духовного отца и мудрого наставника. По оперативным данным ГПУ, архиепископ Никодим продолжал из Москвы руководить движением священства и мирян, направленным против засилья обновленцев.

Служил святитель Никодим в некоторых московских храмах, наиболее часто - в церкви Святой Троицы в Капельках на Первой Мещанской улице. В одном из писем он указывал: *«Служу я по преимуществу на Капельках, стесняя очень отца Александра, но спасибо, они привечают, хорошие люди»*.

Между тем крымские чекисты, узнав из агентурных источников о намерении владыки Никодима вернуться в свою епархию, предприняли упреждающие действия. 14 января 1924 года ордер «на производство ареста» архиепископа Никодима подписал заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. В тот же день святителя посадили в Бутырскую тюрьму. К тому времени владыке было 55 лет. Годы страданий и недавно перенесенный тиф подорвали его здоровье. Новое «дело» владыки возникло на основании перехваченных писем *«реакционным элементом, как-то: игумену монастыря, священникам и т.д., в которых он, Кротков, распространяет провокационные слухи о гонениях духовенства и религии советской властью, называл заключенных церковников и высланных за контрреволюцию страдальцами за веру и Церковь Христову»*.

28 марта 1924 года, комиссия по административным высылкам на основании заключения шестого отделения секретного отдела ОГПУ постановила выслать «гр. Кроткова Никодима Васильевича... в Туркестан сроком на два года». Об этом периоде жизни архиепископа Никодима почти ничего не известно. Судя по некоторым данным, все два года ссылки он провел на одном из небольших пустынных островков в Красноводском заливе.

Срок ссылки истекал весной 1926 года. 22 мая владыка прибыл в Симферополь, но воссоединиться пастве со своим архипастырем так и не удалось. Уже на следующий день по прибытии он получает предписание немедленно покинуть территорию Крымской республики. В результате чего он 19 июня вынужденно возвращается в Москву.

Радость возвращения к активной деятельности оказалась для святителя Никодима еще короче, чем за 2 года до этого. После кончины Патриарха Тихона органы ОГПУ, используя любой предлог, вновь арестовывали и

ссылали многих освобождающихся из ссылки архипастырей. Эта участь летом 1926 года постигла и владыку Никодима, причем все совершилось по уже испытанной схеме: 14 июля заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода подписал ордер на его арест, и в тот же день святитель направлен в Бутырскую тюрьму. Главным обвинением на этот раз стала политическая и идейная неблагонадежность «подследственного», проявившаяся в произнесении проповеди в память Всех Русских святых и чтение им за богослужением канона Русским святым.

27 августа 1926 года постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ святитель был приговорен к ссылке на три года, на этот раз – в Казахстан. Местом отбывания наказания стали дома заключения в Кзыл-Орде и городе Турткуль Каракалпакской автономной области Казахстана (сегодня – территория Узбекистана). О жизни святителя Никодима в самом Турткуле сведений не сохранилось за исключением одного уникального документа – фотографии со встречи православных иерархов и священнослужителей, находившихся в ссылке в Средней Азии. Встреча произошла в 1927 году, судя по всему – в Ташкенте. То, что святитель Никодим смог выехать на встречу, можно объяснить относительно либеральным режимом прохождения ссылки в то время.

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 5 июля 1929 года архиепископ Никодим был лишен «права проживания в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и округах УССР с прикреплением к определенному местожительству сроком на три года». Таким образом, речь шла о продолжении ссылки – правда, в более мягкой форме: с учетом вышеуказанных ограничений место проживания владыка мог выбрать сам и попросил разрешить ему прожить эти годы в селе Тезино, где начиналось его священническое служение и где были похоронены его жена и дочь. Разрешение на переезд в Тезино последовало 23 сентября 1929 года, и из приаральских пустынь святитель Никодим выехал в Россию. К тому времени село Тезино, вместе с еще несколькими селами и деревнями, вошло в состав нового города Ивановской Промышленной области – Вичуги. В июне 1932 года срок пребывания святителя Никодима в Вичуге истек, и он выехал в Москву.

10 июня митрополит Сергей (Страгородский) назначил архиепископа Никодима управляющим Костромской епархией, и вскоре святитель прибыл в Кострому, город своей юности. 23 ноября того же года Синод Русской Православной Церкви за труды и стояние в истине наградил архиепископа Никодима правом ношения креста на клобуке.

Для Костромской епархии 30-е годы XX столетия стали самым трагическим временем, отмеченным массовым закрытием храмов и фактическим уничтожением большинства священнослужителей. Арестовывали даже совсем пожилых пастырей. По статистике 65% священнослужителей Костромской епархии к 1930 году прошли ссылки и лагеря. В крупных городах епархии – Нерехте, Галиче, Солигаличе и других - было закрыто большинство храмов. В самой Костроме из пятидесяти церквей, имевшихся до революции, остались существовать только полтора десятка. В 1934

году безбожники взорвали Успенский кафедральный собор Костромского кремля – уникальный архитектурный и исторический памятник Верхнего Поволжья. Главная святыня Костромской земли – всероссийски почитаемая чудотворная Феодоровская икона Божией Матери находилась в руках обновленцев. Серьезным образом в местной прессе проводилась анитрелигиозная агитация.

С первых дней пребывания святителя Никодима в Костроме одним из важнейших направлений его деятельности стала помощь ссыльным священнослужителям и их семьям. Его ближайшим сотрудником являлся благочинный церковью города Костромы протоиерей Павел Федорович Острогский, настоятель храма святых мучеников Александра и Антонины. В начале 1933 года он по благословению святителя Никодима создал при своем храме нелегальную кассу для помощи ссыльным священникам и их семьям, куда поступали отчисления из всех городских церквей. Многим своим старым знакомым, уже отбывшим ссылку, владыка помогал перебраться в Костромскую епархию и устроиться здесь. Всего только за первые два года своего пребывания в Костроме архиепископ Никодим принял на служение в епархию, помог приехать и найти жилье десяткам священников и иеромонахов, отбывшим ссылку. Впоследствии этот факт, поставленный в вину святителю, расценивался властями как «стягивание контрреволюционных кадров», а также «создание контрреволюционных монархическо-террористических организаций, ставивших своей целью свержение соввласти».

Безбожное руководство области раздражала активность архипастыря. Власти никак не ожидали от побывавшего в тюрьмах и ссылках немолодого и физически немощного иерарха такой смелости и решительности. Он не давал закрывать храмы, использовал каждую возможность укрепить приходскую жизнь, ободрял и вдохновлял своим примером и ярким проповедническим словом духовенство и верующих. Не имея возможности выступать открыто – в те годы обращение православного архипастыря к общественности было просто исключено – владыка объяснял методы сопротивления закрытию храмов встречаясь с благочинными, священнослужителями, представителями приходских советов.

Для святителя Никодима становилось очевидным, что мученический конец его жизненного пути уже близок, и тем не менее, он твердо держал в руках архиерейский посох, до последнего дня на свободе направляя ко спасению души *«Божие стадо»* (1Пет. 5:2).

Тем временем в стране начинались политические преобразования, обратившиеся для народа очередной волной очередных жестоких испытаний. Желая придать режиму более цивилизованный облик, И.В. Сталин осуществил политическую кампанию по принятию новой Конституции СССР. Формально проект содержал ряд важных демократических положений, поэтому некоторые связывали с принятием основного закона государства надежды на либерализацию режима. Но лишь немногие люди могли видеть истинный смысл происходящего. В их числе был и святитель Никодим. В начале осени 1936 года владыка в узком кругу высказал-

ся о том, что *«новая Конституция ничего хорошего не несет, кроме как репрессии...»*. Сомнения Костромского архиепископа в демократичности новой конституции и в том, что при ней будет жить лучше, не остались тайной для НКВД. Секретарь владыки священник Николай Иванович Бобровский предоставил в соответствующие органы все необходимые «сведения», в числе прочего и то, что владыка называл большевиков *«злодеями и мерзавцами»* и *«подстрекал церковный народ бороться всеми силами до последней возможности, лишь бы сохранить приходы»*.

Вечером 3 декабря 1936 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, святитель Никодим совершал всенощное бдение в кафедральном храме святителя Иоанна Златоуста на Лавровской улице. По окончании богослужения, около 10 часов вечера, владыка Никодим отправился домой, где его уже ждали сотрудники НКВД. В присутствии понятых они устроили обыск, забрав в результате всю переписку владыки Никодима, записные книжки, различные книги, бумаги и антиминсы. Ночь святитель провел в следственной камере горотдела НКВД. Ранним утром 4 декабря владыку переправили в тюрьму областного центра – города Ярославля. Старинный тюремный замок в Коровниках после революции стал тюрьмой, в котором в основном содержались участники крестьянских восстаний против Советской власти, представители духовенства, буржуазии и интеллигенции. Один из корпусов тюрьмы использовался как политизолятор. Тюрьма «в Коровниках» была заполнена арестантами, однако для архиепископа Никодима, учитывая его особенно опасную «контрреволюционность», выделили отдельную камеру. Первый допрос святителя состоялся уже 4 декабря.

Допросы архиепископа Никодима проходили в течение всего декабря 1936 года: его допрашивали 4, 5, 9, 14, 19 и 27 декабря, а 28 декабря состоялась очная ставка владыки с протоиереем Николаем Бобровским. На допросах владыка держался твердо и старался не давать запутать себя. Власти припомнили ему всю его епископскую жизнь с дореволюционного периода. Вину, по мнению следователя, серьезно усугубляло наличие у архиепископа знакомых за границей, среди которых звучали имена митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Феофана (Быстрова), архиепископа Кишиневского Анастасия (Грибановского), архимандрита Тихона (Лященко), профессора богословия из Киева Прозорова. Иерарха обвиняли в связи со ссыльными служителями Церкви, в оказании им материальной помощи и приглашении на служение в Костромскую епархию.

27 марта 1937 года – в день празднования в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери – Особое совещание при НКВД СССР постановило: «Кроткова Никодима (Николая) Васильевича – за контрреволюционную деятельность - сослать в Красноярский край сроком на пять лет, считая срок с 3. XII-36 г.». Тем временем состояние здоровья владыки резко ухудшилось. Еще 11 февраля 1937 года тюремный врач поставил диагноз: перерождение сердечной мышцы, нестойкая компенсация, подозрения на грудную жабу, артериосклероз, эмфизема легких.

Ссылка длилась недолго, и уже к концу лета 1937 года Ярославское

областное управление НКВД приняло решение начать новое следствие по делу Святителя. Архиепископ Никодим был вновь арестован в Красноярском крае 24 сентября 1937 года и доставлен в Ярославль. Обвинительное заключение на этот раз звучало гораздо серьезней: *«Формирует из духовенства контрреволюционную группу, которая распространяет антисоветскую гнусную клевету, сеет среди верующих сомнения в колхозном строительстве, ждет капиталистической войны и готовит повстанческие организации для борьбы с советским государством»*. Речь шла о шпионаже в пользу иностранных государств, о работе на румынскую и польскую разведку, создании террористических монархических организаций.

После 16 марта 1938 года святителя больше не допрашивали – видимо, из-за обострившегося заболевания сердца у владыки, или же из-за «достаточности» откровенно фальсифицированных «признаний». Как прошли последние месяцы пребывания святителя в тюрьме, нам не известно. Если предположить, что у него произошло очередное обострение болезни сердца, о которой святитель говорил на следствии еще в декабре 1936 года, - скорее всего, некоторое время он провел в тюремной больнице. Скончался святитель Никодим 21 августа 1938 года, в день явления Толгской иконы Божией Матери, одной из наиболее чтимых святынь Ярославской земли.

Действительно ли святитель Никодим умер своей смертью? С конца тридцатых годов бытует мнение, что он скончался от пыток на допросе. Тем не менее, с полным основанием следует именовать его кончину мученической – ведь ее причиной стали заключение в тюрьме, ночные допросы, издевательства и унижения.

Место погребения святителя неизвестно. Вероятнее всего, святые останки костромского архипастыря почивают в одной из братских могил у деревни Селифонтово под Ярославлем, где в то время по ночам тайно хоронили расстрелянных и умерших узников тюрьмы в Коровниках.

Память о старце-святителе, арестованном накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы и погибшем в тюремных застенках, на протяжении десятилетий благоговейно хранилась верующими – несмотря на то, что официально имя архиепископа-мученика было под запретом. По свидетельству священнослужителей, переживших террор предвоенных лет, вплоть до восьмидесятых годов в заупокойных записках постоянно встречалось имя «священномученика Никодима».

В соответствии с принятым 18 октября 1991 года Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» архиепископ Никодим (Кротков) 27 мая 1992 года был полностью реабилитирован. Как письменно сообщил прокурор Костромской области Б.И. Дмитриев, владыка Никодим «привлекался к уголовной ответственности необоснованно, так как в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Его высказывания и действия были направлены в защиту Церкви и священнослужителей, осужденных по политическим мотивам и находящихся в ссылке».

Торжественное прославление нового святого земли Костромской совершилось в Богоявленско-Анастасиинском кафедральном соборе города Костромы 27 марта 1995 года, в день праздника чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

На проходившем в августе 2000 года юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви священномученик архиепископ Никодим был прославлен в лике общецерковно почитаемых новомучеников и исповедников Российских.

Приснопамятный Святейший Патриарх Алексий II проявил неподдельный интерес к житию священноисповедника Никодима. *«Вся жизнь святителя – пример жертвенного служения Богу и ближнему, - сказал покойный Первосвяtitель, прочитав книгу «Священномученик Никодим: жизнь, отданная Богу и людям», - Не только в годы репрессий, но и всегда, на всех церковных послушаниях, в должности инспектора и ректора семинарии, в сане архиерея он, по слову святого апостола Павла, каждый день умирал во Христе в трудах и заботах о Церкви Божией. Вслед за апостолом святитель Никодим мог бы повторить замечательные слова: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим. 8, 35-37)».*